

A full-page illustration with a warm, autumnal color palette of oranges, yellows, and browns. At the top, a man with a beard and a woman with long brown hair look towards the viewer. Below them, a baby in a brown hooded jacket sits on a bed of autumn leaves, holding a small white stuffed animal. The background features a fireplace with a warm glow and some pumpkins on a shelf.

ИЩУ НЯНЮ ДЛЯ СЫНА
ДОРОГО!

АРИНА САЛАЙ

Арина Салай

Ищу няню для сына. Дорого!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72092926

SelfPub; 2025

Аннотация

«Ты в курсе, чем сейчас занимается твоя жена?»

Такое сообщение пришло мне пару минут назад на айфон. Ну, а дальше, как в старом бородатом анекдоте – приходит с работы муж, а там картина маслом. И ведь не поверил этому чертову анонимному доброжелателю. Думал, олень какой-то балуется, а оказалось, олень – это я.

– Это как понимать? – мой тихий рык прервал милующихся голубков. Алеська испуганно визжит и слезливо заверяет, что это все не то, о чем я подумал, ну, конечно. Все по канону.

– Замолчи, – прошу очень ласково. – Где ребенок?

– Ик... Илюша...

– Миша где?! – реву.

– В гостиной. Ой, не буди его! Он испугается...

– Замолчи, сказал. Слышать не желаю всю ту лапшу, что ты пытаешься мне навесить. Завтра же подам документы на развод. Сына я забираю. А ты... С нами всё, Алесья. Квартиру эту можешь оставить себе. На большее не рассчитывай.

Покидаем гнездо разврата под визги жены, на повестке острый нюанс: мне нужна няня и срочно!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	44
Глава 12	47
Глава 13	53
Глава 14	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Арина Салай Ищу няню для сына. Дорого!

Глава 1

Илья

«Ты в курсе, чем сейчас занимается твоя жена?»

Такое сообщение пришло мне пару минут назад на айфон. Задумчиво кручу гаджет в руке, тру переносицу, в голове гребаная каша, работы за гланды, стрелка на часах перевалила за восемь вечера, а какой-то несчастный лось или лосиха пудрит мне и без того перегруженный мозг. Желание послать лося в пешее эротическое и вырубить к чертовой матери телефон зашкаливает, но идиотское любопытство и усталость делают своё дело, пальцы несутся вперед моей головы:

«И чем же? Просвети-ка. Ты вообще кто у нас?»

Ответ приходит незамедлительно, словно метафорический лось держал выведенный ответ наготове. От сообщения так и фонит злорадностью и кучей зловонного говна.

«Изменяет она тебе, брат. Сыночку кинула в кроватку, а

сама кувыркается в другой кровати. Сечешь? Анонимный доброжелатель».

Скалю зубы:

– Иди в задницу, анонимный доброжелатель, – бросаю «яблоко» на стол и поднимаю взгляд к голубому экрану ноутбука, к горлу подкатывает тошнотворный ком, во рту кислый привкус, перед глазами плывут цифры сводной ведомости. Ослабляю ворот рубашки.

Хмыкаю, качая головой. Чтобы моя прилично раздобревшая после родов домашняя Алеська, обожающая читать в древнем застиранном халате всякие идиотские любовные романчики, мне изменяла? Оборжать колени. С ребенком по соседству? Это вообще какая-то дичь, какая мать додумается до такого? Только если полная отмороженная дура с комплексом нимфоманки. Моя Алеська не такая.

Черт, когда я в последний раз жрал? Кажется, утром или вечером? Плетусь на примыкающую к кабинету кухню, шарюсь в ящиках, ворча на безалаберную секретаршу: не могла хотя бы крекерами запастись или конфетами, про бутерброды молчу, мини-холодильник не радуется пустотой, в нем и повесившейся мыши не сыскать. Раздраженно хлопаю створкой, завтра же дам втык Ирине, чтобы заполнила всё здесь как надо, совсем расслабилась дамочка.

Всё, хорош. Домой. Жрать хочу, спать и спокойствия.

С радостью и тонким сосущим под ложкой ощущением неудовлетворения выключаю технику, спускаюсь в подзем-

ный паркинг, запрыгиваю в свою ласточку и выруливаю со стоянки. Приветствую жестом охранника и наконец покидаю здание.

По дороге рука привычно тянется к трубке за созвоном с женой, обычно я её всегда предупреждал, когда чалил в родные пенаты, уточнял, что в магазине прикупить и приготовить ли чего на ужин. Алеська умела готовить, вполне сносно, но очень это дело не любила, разве что для малого каши варила, для нас же предпочитала просто заказывать еду в ближайшем ресторане. В мозгу мелькает злосчастное тупое сообщение, ядовитый голос внутреннего я мерзко подзуживает: а что, если лось не «анонимный доброжелатель», а я?

От подобного абсурдного предположения скриплю зубами и всё-таки не звоню.

Я никогда не считал себя мнительным или гребанным Отелло, однако по приезде в наш элитный микрорайон Амурьево я накрутил себя настолько, что, едва заглушив двигатель, как укушенный в задницу помчал на наш этаж. Руки, ищущие по неожиданно бездонным карманам ключи, потрясывались, я волновался, вот только не за гипотетическую измену, а за ребенка. Мишке всего год с маленьким хвостиком в пару месяцев, совсем крошка. Дверь открыл с облегчением, толкнул ногой, в глаза сразу бросились вместе с обувью жены и маленькими тапочками – мужицкие кроссовки этак сорок второго размера и не мои, однозначно, во-первых, я ношу сорок пятый, во-вторых, не мой стиль.

Всё. На глаза упала алая пелена. Твою мать. Я – мужик и никогда, мать твою, никогда даже не подумывал об измене, несмотря на то, что прежних чувств к жене не испытывал. Нежность, благодарность за сына, уважение – да, любовь и страсть – скорее нет.

В спальню ворвался как раненый в попу бизон, а там картина маслом и старый бородатый анекдот. Чужой мужик пялит чужую супругу. Пошлые стоны, вялые шлепки тел, тощая задница, вот на кого она меня променяла? А, вообще, занятно. Что занятно? Олень всё-таки я. Интересный опыт. Благодарствую, но повторения не хочу. На хрен этих баб. Особенно таких безмозглых.

– Это как понимать?

Мой тихий рык услышала первой Алеська. Пока неверная супруга испуганно визжит и слезливо заверяет, что это всё не то, о чём я подумал, бледное мудацье скатывается с жены, бывшей жены, и поспешно натягивает на тщедушное тельце штаны, я заглядываю в кроватку и ребенка не нахожу. Визги Алеси раздражают настолько, что меня нещадно мутит.

– Замолчи, Алесья, – прошу очень ласково. Алеська послушно затыкается. – Где ребенок?

– Ик... Илюша...

– Миша где?! – реву.

Алесья вздрагивает и бормочет: она оставила его на диване в гостиной, ребенок спит.

– Ой, Илюша, не буди его! Он испугается...

– Замолчи. По-хорошему прошу. Слышать тебя не желаю. А ты, – обращаю внимание на вздрогнувшего парня, госпо-
ди, так он совсем малец, от силы лет двадцать, максимум
двадцать пять. Про себя отпускаю смешок: на старшеньких
потянуло? Милф, как сейчас принято у молодежи говорить.
Идиот малолетний, о такого и руки марать неохота. Брезг-
ливо передергиваю плечами, гаркаю устало: – Вон. Даю тебе
две секунды.

Пулей мчу к ребенку, Мишка находится там, где и сказала
его мать, спит себе мирно-спокойно и в ус не дует. Это хо-
рошо. Проверяю на всякий случай дыхание малыша и остро-
жно беру на руки, в дверях – бледная до состояния штука-
турки Алеська, в глазах лихорадочный блеск, но голос впол-
не спокоен:

– Ладно, это то, что ты подумал. И что ты теперь с этим
собираешься делать, Шахов?

– Хорошо, что ты спросила. В самое ближайшее время по-
дам документы на развод. Ты знаешь условия брачного до-
говора, доказательств достаточно. Сына я забираю. А ты...
С нами всё, Алесья. Квартиру эту можешь оставить себе. На
большее не рассчитывай.

– Что? – губы бывшей синеют, в глазах ужас. – Ты не мо-
жешь со мной так поступить! Илья! Это бесчеловечно!!!

– Бесчеловечно, Алесья, шпёхаться с чужим мужиком,
оставив маленького ребенка одного. Всё, – морщусь. – Об-
судим условия по воспитанию сына, когда успокоюсь.

Игнорируя истеричные визги бывшей, вместе с чудом не проснувшимся сыном покидаю дом, прикидывая, что в нашем загородном особняке должны быть кое-какие вещи ребенка и игрушки, остальное завтра захвачу. Помимо этого, встает один острый нюанс. Мне срочно нужна няня для сына, я готов платить бешеные бабки, только чтобы она была ответственной и толковой.

Глава 2

По дороге в загородный дом сын несколько раз просыпался и звал маму, тем самым выкручивая мне эмоциональные жилы. Я сам, взрослый, без пяти минут сорокалетний мужик, чуть позорно не разрыдался. Успокоили ребенка только мультики, в ютубе нашелся какой-то «Синий трактор», и ехали мы оставшийся путь под «по полям, по полям» и сынишкино «паля-паля». Господи Иисусе, няню, вот прямо сейчас, из-под земли мне достаньте, но положите на стол!

На часах начало девятого, мы с истерично ревущим Мишкой подкатываем к нашему дому, у него горе – выключили «паля», у меня нервно дергающийся глаз, и как с этим чудовищем бывшая справлялась? Ужас какой-то. Мои нервные клетки уныло машут платочком и сваливают в закат. Парни! Меня с собой захватите. А вот и бывшая раздирает моё «яблоко» звонками, на ультразвуке орет сын, крыша отъезжает на перекур. Пыхчу, одной рукой держу ребенка, второй пытаюсь открыть чертову калитку, по соседству зажигается в домах свет, бабки прилипают носами к окнам и во все глаза глядят кино.

Ключи падают в траву. Из ушей валит пар, на одно ухо я уже оглох от Мишкиного воя.

«Так, – реву на себя, поднимая связку. – Успокоился,

Илюха. Ты прошел папу-армию и медные трубы, что, с ребенком собственным не справишься? Справишься. И Алесь-ке покажешь, что не лыком шит. Вот не зря она скалила зубы в гаденькой ухмылочке. Наверняка ждет, коза, что я ей сам сына верну с доплатой. Ага, ну, пусть ждет».

Калитка побеждена. Сын немного успокоен сюсюканьем и обещаем вкусного ужина и сказки перед сном. Открываю дом под Мишкино: «ма», «ма, де ма». Держимся, Илюха, и в рифму не отвечаем.

Ребенка оставляю на диване, договариваюсь с ним, что сейчас вернусь, и мчу за остальными вещами и купленной в супермаркете снедью, а там соседи продолжают глядеть кино, но кто ж запретит. На обратном пути звоню секретарше, и когда в трубке раздается сонное: «алло», палю без предисловий:

– Мне нужна няня, срочно! Прямо завтра. Нормальная няня для одногодки. Не старая Фрекен Бок с деменцией и не зеленая сопля, нормальная, адекватная, с мозгами. Запрос понятен?

– Э-э-э, Илья Тимурович, а где я её найду?

– Просыпайся, Ирина! – гаркаю гориллой, у которой отобрали банан. В трубке нервный ик. – Завтра. Няня. В час жду кандидаток на собеседование. Прошерсти спец агентства, там этого добра завались. Не будет няни – сама станешь с Мишкой сидеть. И, Ира, в холодильнике повесилась мышь, позаботься об этом. Поняла?

– Э-э-э...

– Уволю!

– Поняла! Что сразу уволю, – ворчит Ирина. – И вообще-то завтра суббота.

– Вот и ладушки.

Влетаю в дом и шокировано таращусь на сына: этот мелкий диверсант умудрился забраться на стол, смахнуть с него скатерть с чашкой, на паркете черепки; стянуть с себя штаны с памперсом, обмочиться на пол, и сейчас сидит довольный в луже и хлопает по ней ладошками. Кабздец картина маслом.

Привалился плечом к косяку, возвел глаза к потолку. Няню мне, срочно! И клининговую компанию заодно. Нет, ну как женщины с этим всем справляются, вот точно заводские какие-то настройки у них врубаются после рождения малышей, и ведь Алеська мне ни разу на ребенка не жаловалась.

– Па! – радостно гулит мой ребенок. – Па! Па!

– Идем, диверсант, зёпу мыть.

Глава 3

Алёна

– Ир, вот это ты сейчас серьезно? – обескураженно бормочу в трубку, желание прочистить уши ватной палочкой, ну, вот прям очень сильно, поскольку то, что мне сказала подруга, похоже на лютую галлюцинацию. – Или это ты так решила надо мной подшутить? Ты же знаешь, я не очень с детьми, да и с людьми тоже, знаешь, не очень. Мне собаки по душе, хотя у меня даже собак нет и кошек тоже. Где я и где няня ребенка?

– Нет, Ленька, я на полном серьезе, – скорбно вздыхает Ирка. – Начальник ночью позвонил и выел мне мозг чайной ложечкой: ему резко понадобилась няня для сына. Ему год, может, чуть больше, сказал, для однолетки.

– Ну, и? Я при чём? – искренне не понимаю. – Хочет няню, так подбери, столько же этих агентств по всякому подбору – с ума сойти можно.

– Всё так, да не так! Оказывается, не всё работает у нас с пол тычка. Мне удалось надыбать более-менее приличных по срочному всего одиннадцать душ из более чем семи нормальных агентств с лицензиями, и почти все няни – женщины возрастные, а тех, кто помладше, всего три штуки, и вот чует мой нос: начальник от такого, мягко говоря, цветника

будет о-очень не восторге. Он мне так и сказал: никаких Фрекен Бок, а у меня как раз почти что они, чуешь запах жареного? Я вот очень чую, и ягодицы у меня того, вжим-вжим. Лень, а Лень, скажни к нему на собеседование в качестве массовки, а?

– Я тебе, конечно, сочувствую и всё такое, но ты в своем уме?

– Ну, Ле-е-ень!

– Слушай, а если без лицензий, кого-нибудь попроще поискать?

– Мне потом такое «попроще» начальник в одно место засунет, прокрутит и скажет: так и было. Ну, что тебе стоит, Алёнка, сходишь, развеешься, ты в своем убежище, сутками не вылезая, уже скоро плесенью вся покроешься, а тут прошвырнешься, кофейку бесплатно попьешь, у нас очень вкусный, отвечаю. А начальнику скажешь что-нибудь по типу, что передумала или и вовсе к нему не пойдешь, проще пареной репы, а я себе попу хоть на денек-второй прикрою и найду кого поадекватней.

Тру нос. Теперь да, пахнет адским жареным и подставой. Прямо воняет.

– Лень, ну, соглашайся, – уныло нудит в трубке Ирка.

Оглядываю свою коморку, останавливаясь на нерабочем ноутбуке. Уже несколько дней в голове насчет новой статьи в журнале просто штиль. А почему бы, собственно, и не сходить, никто же меня в самом деле не заставит сидеть с маль-

чишкой, а там, может, какие идеи в голову и придут.

– Ладно. Так и быть. Адрес Новая Арлеановская, двадцать?

– Ага, – жизнерадостно выпаливает Ирка. – Корпус один. Ты как подъедешь, маякни, я спущусь за тобой. Собеседование в час. Целую.

Подруга первой сбрасывает звонок, таращусь на часы и недовольно соплю. До часа-то всего час! Вот Ирка. Собираюсь буквально за минут двадцать и вызываю такси, на деньги особо не жалуясь, доход со всяких статей и фриланса в виде написаний всего, чего только душа заказчика пожелает, хватает на одну меня вполне, а так как я никуда особо не хожу и не езжу, то и с запасом. Вываливаю из подъезда и ныряю в такси, наяривая Ирке сообщение, называю адрес, водитель молчит и почему-то не едет, а, всё, поехал. Ну, и хорошо. Отписав подруге, получаю уведомление от... таксиста – он подъехал, стоп, а я тогда где?

Поднимаю голову, сталкиваясь в зеркале заднего вида с насмешливым взглядом ярко-серых глаз, водитель – мужик довольно-таки симпатичный, лет тридцати, может, чуть больше, приятное лицо с трехдневной щетиной.

– Вы, простите, кто? – с удивленным подозрением выпаливаю.

– Несколько запоздалый вопрос, не находите? Я тот, в чью машину вы самым наглым образом ввалились.

Нет, ну. Какой гад!

– Так вы же явно поняли, что я спутала вас с такси! Остановите, пожалуйста, я выйду. Могли сразу сказать, а не устраивать представление.

– Спокойно, девушка, – насмешничает мужло. – Мне тоже на Арлеановскую, до того как вы ко мне прыгнули, я как раз собирался отъезжать. Так что, остановить, или всё-таки едем дальше?

Придирчиво оглядываю салон, только тогда замечая по соседству пакет, с детскими вещичками, между прочим. На переднем сидении – детское кресло, сам мужик на маньяка не похож, хотя кто их, маньяков, знает, Чикатило тоже был не похож. Но я опаздываю и высаживаться как-то глупо, что ли.

– Едем, – бурчу. – Но так и знайте: я скинула геолокацию подруге.

Мужик притворно округляет глаза:

– Да что вы?

– Ага, – усмехаюсь, растекаясь на кожаном сидении.

– Вот блин, а я надеялся завести вас в ближайший лесок, зря, что ли, лопату покупал и полиэтиленовый черный мешок?

– Выходит, зря.

– Да. Засада. Осторожные нынче девушки.

– Обстоятельства вынуждают.

Оставшийся путь мы едем в молчании, на подъезде прошу случайного не-таксиста высадить меня на остановке, от нее

до бизнес центра всего две минуты быстрым шагом, украдкой засовываю несколько купюр в кармашек за передним пассажирским, благодарю «маньяка» и от остановки сверкаю пятками. Пусть я няня подставная, да только опаздывать не люблю.

Глава 4

Илья

Гляжу вслед ускакавшей девчонке и усмехаюсь: хорошенькая, с норовом, распушенные блестящие каштановые, с легкой рыжинкой волосы растрепались на ветру, задницу обтягивают узкие брючки. Словил себя на мысли, что капаю на ореховую попку слюной, и выписал себе подзатыльник. Какой бы ни была стервой и распутницей Алеська, но я пока всё ещё женат, не надолго, утром по пути на работу связался со своим юристом и адвокатом в одном лице Борькой Сергеевичем и попросил заняться моим бракоразводным процессом по срочняку.

Ночь с сыном мы пережили вполне нормально, я опасался худшего, но нет, сын спокойно спал почти всю ночь, только один раз просыпался, пустышку потерял. Получив девайс, благополучно отбыл в сновидению досыпать, а утром, перекусив кашей, дернули на работу. Теоретически можно было бы договориться с какой-нибудь соседкой за деньги посидеть, только я им не доверял, мало ли чего удумают, а там как раз соискательницы в Мишкины няни, заодно сын и застит, и Ирина, чуть что, подхватит.

В офисе оставил сына с Ириной, та обескуражено хлопала

ресницами и хватала ртом воздух, в шоке прижимая к груди Мишку, и пока она не распищалась, свалил за вещами ребенок. Мне повезло, Алеськи дома не оказалось, зато везде и всюду картинно валялись мои разрезанные в хлам вещи, а в ванной подозрительно черноватая моя же опять-таки щетка в раковине и чужая в стаканчике. Мстительница фигова, хорошо, не додумалась документы мои изрезать и спрятать Мишкины, только, по-моему, это я должен мстить. Женская логика неисповедима.

Сама бывшая наяривала мне по сто пятьсот раз, написывала сообщения с разного характера содержанием: от примитивных угроз, обвинений до слезливых истерик.

Закинул на заднее сидение пакет с отдельно сложенными вещичками сына и игрушками в офис и обалдел.

– Это ещё что? – вытаскиваю аккуратненько засунутые в кармашек бабки в размере двух тысяч и прищуриваюсь. – Так, значит. Ещё и гордая. Ромашка бессовестная.

Хотя нет. На ромашку девчонка не тянула, скорее на кактус. Машинально сунул чужие деньги в задний карман брюк и порулил в офис, а по пути в заднице, то есть, во втором кармане брюк завибрировало моё яблоко. Ну, и кто же это мог быть? Конечно же, стервь Алеська. Я уже вроде бы успокоился, придушить бывшую желаний не испытываю, скорее даже нечто вроде облегчения, можно и ответить.

– Неужели, Шахов! Так и знай, что я всего в одном шаге от того, чтобы не вырвать тебе колокольчики, – змеей шипит

Аленка, а у меня глаза лезут на лоб: она и так умеет? С кем это я жил последние три года, не пойму. – Верни мне ребенка!

– И не мечтай. Миша останется со мной до суда.

– Спятил?! – визжит бывшая. – Это мой ребенок!!! Я его мать! А ты где был в первый год его жизни, м?! Где ты был, Шахов? На своей сраной работе, вот где ты был! Ты на своей работе женился...

– А где я должен был быть, Алеся? – обрываю спокойно. – На диване валяться? Ты на мои деньги это всё время жила, сама говорила, декретных тебе не достаточно.

– Ты!.. Ты!!! Всё, Шахов. Я уже около твоего офиса, и я иду за ребенком, а будешь препятствовать, я полицию вызову, так и знай! – заканчивает холодно и обрывает звонок.

Несколько секунд таращусь на трубку и, выругавшись, припускаю к центру, совсем не заботясь о своем имидже и репутации, в топку репутацию, когда творится такое.

Глава 5

Алёна

Ирка так и не взяла трубку, пока я шла до её работы, и вниз она тоже не спустилась, собственно, меня и без неё на ресепшен пропустили, стоило только назваться и сказать, куда и зачем я иду, мою фамилию глянули в списке и отпустили с миром на девятый этаж. В лифтовую кабину заходила с очень неприятным предчувствием, и оно меня не подвело!

Началось с того, что не успели створки лифта закрыться, как в центр ворвалась какая-то бешеная дамочка и начала с порога орать, что у неё сына похитили, и он здесь, в центре. Досмотреть кино мне не довелось, лифт унес меня на нужный этаж, а там крупно пахло жареным, потому как в небольшой светлой приемной не было где яблоку упасть. Ира говорила: она откопала чуть больше десятка женщин, и вот они, женщины эти, заняли всё пространство приемной, а сама Ирка с бледной физиономией сидела за столом, а на её коленях маленький ребенок, навскидку – годоводка. Полагаю, тот самый сын её начальника, для которого и ищут няню, а няни посматривали на Ирку очень недружелюбно, то и дело перешептываясь с соседками и поджимая губы. Думается мне, оттого, что сама подруга без зазрения совести

включила малышу мультики, и на всю приемную звучала веселая мелодия про «поля».

– Такому маленькому мультики, кошмар какой, – уловила шепоток. – Бессовестная.

– Так не мать же.

– Зрение садит и нервную психику, надо папаше сказать, чтобы вразумил девушку. О, ещё одна.

Тут неодобрительное внимание «товарок» устремилось ко мне. Ирка тоже заметила и прям посветлела.

– Проходите, Алёна Святославовна, не стойте.

Да было бы куда проходить. В спину внезапно прилетел сильный тычок, над ухом процедили:

– Что встала на пороге, корова?

Хлопнула ресницами.

– Это вы мне? – обернулась и удивленно вытаращилась на ту скандальную дамочку. Ну, вообще-то, справедливости ради, корова из нас как раз-таки она. Выбеленные растрепанные волосы рассыпались неаккуратными прядями по кашемировому пальто, полы которого не сходились на объемных телесах, засунутых в излишне узкое алое платье, густо намазанный кроваво-красный рот злобно перекошен, серо-карие глаза прищурены.

Неприятная особа фыркнула и протиснулась мимо меня, впечатав и растерев о косяк. От её визга заложило уши:

– Мишенька!!! Что они с тобой тут делают, сыночек мой?! Убери лапы от моего сына! – дамочка вырвала испуганного

ребенка у опешившей Иры и прижала к себе, продолжая истерично орать: – Я вас здесь всех засужу, слышите?! Всех!!! А ты чего расселась?! – гаркнула неадекватная на Ирку. – Полицию вызывай. У меня ребенка похитили!

Несколько кандидаток в няни сползли на пол и ошалело двинули в сторону выхода, но не дошли.

– Куда?! Сидеть!!! Вы у меня пойдете как соучастницы преступления!

Несчастные женщины в натуральном смысле плюхнулись на полные попы.

М-да. Сходила в массовку.

Глава 6

Я вот совсем не удивилась, после таких-то ушезакладывательных визгов, что ребеночек заплачет. Малыш на самом деле крепко стрессанул, вот только вместо того чтобы жаться к родной родительнице и искать в её объятиях защиты, наоборот, вырывался. Малыша было жаль.

Неадекватная мать – горе в семье.

Дамочка шипела на ребенка, сжимала его ручки и орала, чтобы он не брыкался, а то она его уронит, а затем сделала нечто такое, от чего у нас всех натурально отвисла челюсть и зашевелились волосы: она размахнулась и ударила малыша пятерней по маленькой пухлой щечке, причем настолько сильно, что у ребенка моментально проявилась фиолетовая гематома в форме ее мерзкой клешни. Естественно, малыш не успокоился, он разорался настолько, что многих нянь просто сдуло ветром, уж не знаю, как они вообще работать собрались, с такими-то нервами.

А я... А у меня на глаза упала кровавая пелена, к уголкам подкатили слезы, меня в детстве тоже колошматили и... В общем, меня сорвало с тормозов и, несмотря на то, что дамочка сама притихла, испугавшись своего же скотского поступка, я подлетела к ней, вырвала у неё ребенка и крепко прижала к себе, удивляясь про себя, что сам малыш неожи-

данно вцепился в меня ручками и спрятал личико в сгибе шеи.

– Вы что творите? – зашипела змеей. – Как вы смеете бить такого малыша?

– Это мой ребенок, я его рожала, что хочу, то и делаю!

– Совсем больная? – ахнула и обратилась к Ирке, не отрывая взгляда от неадекваторши, мало ли чего она ещё выкинет. – Ир, а вызывай-ка полицию, пусть засвидетельствуют нанесенные гематомы и снимут побои.

Психиатричку тоже было бы неплохо пригласить, но пока оставим их визит на крайний случай.

– Уже вызвала.

– Да как вы смеете?! – вновь разоралась женщина и поперла на меня, выставив скрюченные пальцы. Малыш всхлипнул мне в волосы. Ой, мама, кажется, у неё самая настоящая психичка. Боже, боже, а где же хотя бы сам отец ребенка? Что же это делается?

Спасение пришло откуда не ждали. В приемную ввалился мужчина с гарком:

– Что здесь происходит? Алеся, какого лешего ты здесь орешь?

Сглотнув, упираясь лопатками в стену, повернула голову на знакомый голос, а вот и... папаша-босс Ирки, да уж, а мне капец как повезло, ведь это он – тот водитель-маньяк, и смотрит он сейчас почему-то не на дебоширку, а на меня, а, нет, не на меня, на ребенка, и взгляд такой тревожный. Но

что началось, когда малыш отлип от меня и повернулся ко второму родителю с тихим и таким надрывным:

– Па!

Всё. У меня у самой слезы по лицу потекли. Дожилась.

– Кто это сделал? – подлетел папа-медведь к своему медвежонку. – Кто, я спрашиваю?

Мы с Иркой молча указали на бледную как полотно дамочку. И Ирка добила:

– Я полицию вызвала, Илья Тимурович.

Илья Тимурович только и рот открыл, собираясь нечто сказать, как дамочка спринтером бросилась к двери, папа-начальник – за ней, а в дверях неадекваторшу принимают два мужика в полицейской форме. Неадекваторша извиняется и продолжает орать в руках органов правосудия. Мужики в шоке.

– С чем вызвали? – интересуется один из, э-э-э, оперов, следаков, кто-то из них, в общем. – Хотя можете не объяснять, сами видим.

– Это он виноват, – тычет пальцем дамочка в Тимуровича. – Он! Он ребенка у меня похитил!

Мужики хмурятся.

– Это так?

– Конечно, так!!! Вы мне, что, не верите?

– Разберемся. А вы, гражданка, успокойтесь уже. Представьте и документики организуйте. Все.

Малыш жметя ко мне, ему очень страшно, что и объяс-

няю мужикам, прося документы из моей сумки взять самостоятельно и у первой. Органы правосудия сопротивляться не стали, спокойно проверили и разрешили унести в начальниковый кабинет с разрешения самого же начальника малыша, предварительно мрачно осмотрев пострадавшую щечку, на дамочку, когда я уходила, смотрели ну очень нехорошо.

Закрывая дверь, наткнулась взглядом на Тимуровича, тот шепнул одними губами: спасибо. Кивнула, закрывая дверь, погладила по спинке малыша.

– Ну, и чем мы с тобой займемся?

Боже-боже, что делать с маленькими детьми? Хельпен хельп!

Глава 7

Пока в приемной идут разборки, стоим с малышом у окна. Он с задумчивым интересом разглядывает мелькающие вдалеке машинки, прохожих, а я думаю о том, как докатилась до такой жизни. Я и нянька – это как лексус и трактор. А вон, кстати, трактор поехал, синий, малыш его тоже замечает и оживляется, лепечет: синь, синь, показывая пальчиком на махину. Согласно киваю, да: синь, синь, что бы это ни значило.

Странно, что ребенок вообще так спокойно сидит на руках совершенно постороннего незнакомого ему человека, хотя с такой-то мамашей я бы, может, тоже кидалась к первому попавшемуся на вид адекватному человеку, ну, или не знаю. Жалко малыша. Но у него папа есть, вроде бы нормальный с виду, только как-то же он умудрился жениться на такой грымзе. Ишь, чего удумала: только научившегося ходить ребенка избивать, а ему на вид, на минуточку, не больше полутора лет! А Ирка говорила, что вроде бы год с маленьким хвостиком. Коза его мамаша! Вот честное слово. Судить кого-то, конечно, дело такое, не очень хорошее, но меня так и разбирала злость, когда думала на эту тему, внутренний голос ядовито шипел: хоть бы её родительских прав лишили, хотя бы частично, за такие-то выкрутасы.

Руки начинают уставать, всё же не привыкла я таскать на

руках от десяти килограмм живого веса, примерно столько и весил малыш, ну, может, двенадцать. Я даже за продуктами сама не хожу, доставку заказываю.

Прислушалась к происходящему по ту сторону стен, но звукоизоляция просто отменная, почти и не слышно ничего. Глянула на часы и про себя простонала: семь минут только прошло.

– Маленький, не хочешь ножками немножко потопать? – крихчу, опуская ребенка на свои двои. – У тети Алены сейчас руки отвалятся. Фух, хорошо.

Малыш потопал на месте два шага и спринтером рванул к отцовскому рабочему столу, я даже ошалела, не ожидая от ребенка такой прыти, а пока растерянно хлопала ресницами, Миша – насколько я поняла, именно так звали мальчика, – жизнерадостным ураганом принялся делать ревизию в полках стола, вытаскивая и бросая на пол канцелярию, какие-то бумаги. Когда он с сопением начал тянуть на себя папку, опомнилась и кинулась к непоседе.

– Миш, Миш, не надо, это папины вещи, не нужно их трогать, – бормочу взволнованно, оттаскивая малыша от стола. Ну, куда там, тянется упорно и смеется заливисто, когда одна из бумажек отрывается и клочок остается в его ручке, а остальная часть у меня. Мама, надеюсь, это не какие-то особо важные бумаженции были, иначе мне капец.

Мысленно прописываю себе пинка, хватаю неожиданно-го бандита поперек живота и взваливаю пискнувшего маль-

чишку себе на плечо, второй запикиваю всё вываленное на пол ребенком обратно в ящик и выдыхаю, и вот только тогда понимаю, что мальчишки у меня в руках нет! Ик. Нервно оглядываюсь, а он уже на другом конце помещения, пытается забраться на диван, придвинутый к журнальному столику, а на столике опять-таки какие-то бумаги и ваза. Ваза!

– Миша, нет! – ору, несясь к бандиту, а тот хохочет и что делает? Ну, конечно, скидывает ручкой вазу со стола. Рывок, на колени, и опасный момент. Вух. Ваза у меня.

Мальчишка хлопает в ладоши, он такой радостный, глазенки горят, что у меня самой на губах улыбка. Ставлю вазу на пол, плюхаюсь на диван и забираю себе малыша на колени.

– Так, ребенок. Так ты у нас злостный хулиган, а? – тереблю по волосикам.

А малыш мне:

– Па. Ам. Па. Ам. Ам.

Гм. И что это значит? Мне срочно нужен переводчик с детского. Но есть же телефон. Достаяю из кармана свой гаджет, вбиваю, что значит, если ребенок говорит «ам», а этот ребенок таранит меня головой и с ну очень большим интересом таращится в экран телефона. Забавный. А вот информация, что выдал мне гугл, не забавная: судя по всему, маленький человек хочет кушать.

Хмуро осматриваюсь под «ам», «ам» с «па» и, естественно, никакой еды не нахожу. Вместе с дитем идем в прием-

ную. Будем думать, разборки уже закончились или подходят к концу.

Выглядываю в приемную:

– Я извиняюсь. Э-э-э, – а в приемнике никого. – Нормальный борщ. Это вообще как называется?

Глава 8

Мальчишка тихонько сопит, стреляя по сторонам любопытными глазками, наверняка вынашивая в своей хорошенькой головке очередной план диверсии, вон как заинтересованно на органайзер с ручками и карандашами смотрит, я не удивлюсь.

Не успела я струхнуть, как в приемной нарисовалась Ирка с контейнером в руках, бутылочкой под мышкой и ну очень озадаченным лицом. Заметив меня, подруга интересуется:

– Ну, как дела? А я вам покушать принесла, Мишка проголодался небось.

– Он-то проголодался, да, – подтягиваю на руке съезжающего парня и бреду к диванчику, – а так, в целом нормально, где все? Что там с полицией и той неадекватной дамочкой? А главное, папашка пацана куда сбежал?

– Ой, Ле-е-енька, я такой спектакль только в кино видела, про женское и мужское, – невесело хмыкает Ирка, открывая контейнер. – Здесь пюре и котлета, в бутылочке смесь, мамашка его смесью с рождения кормила, покормишь пацана? Вон он у тебя какой смирный, а я тебе расскажу, что там было да как.

– Ну, давай, попробую, – говорю неуверенно, забирая у подруги теплую снедь. – А ему уже такое разве можно?

– Можно, конечно. Всё диетическое, я в кафе покупала из раздела детского меню. Держи ложку.

– Аха. Сама еду в кафешке покупала, а что-то говоришь про смесь, – беззлобно подкалываю Ирку, подруга недовольно сопит и заявляет, что это другое, и вообще, где ей домашнее было взять. Начальник сказал: покорми, а где взять корм, не уточнил, только смесь всунул, и всё на этом. Справедливо.

– Так, может, нужно было только смесью кормить?

– Не наестся, – уверенно заявляет Ирка. – У моей знакомой трое детей с года уже на общем столе, двое от молока грудного ещё в десять месяцев отказались, третья, это девочка, ест и смесь, и простую еду, а Катька часто упоминала, что только смесью её девчонка не наедается от слова совсем.

Нюхаю еду, пожимаю плечами: вроде нормально пахнет, не химозиной. Забираю у Ирки инструмент, откалываю от котлеты кусочек, набираю немного пюре и прошу парнишку открыть рот, самолет летит и всё такое. Мишка спокойно и вполне охотно принимает подношение. С удивлением замечаю, что у ребенка почти полный рот зубов. Ого, а я думала: зубки только к трем, а то и позже годам появляются, ничего себе открытие.

– По мне, так без разницы, чем детей кормить – грудным или смесью, я сама на смеси вскормлена, – говорю, с умилением наблюдая за уминающим котлето-пюреху малышом, видно, что ему нравится, и к такой обычной еде заметно приучен, значит, всё правильно.

– Ну, не знаю, если есть возможность нормальным грудным молчком, почему им не кормить? Зачем химией этой травить?

– Насколько я знаю, смесь не химия, смеси эти, знаешь, как проверяют, а в грудном чего только может не быть, от питания мамы зависит же. Тем более, может, у неё как раз и не было возможности самой кормить?

– Ты её вымя видела? Всем на зависть, в таких дойках молока должно бидонами выходить.

Скептически кошусь на Ирку.

– Знаешь, не наше это дело. Кто мы такие, чтоб кого-то осуждать.

Ирка хохочет:

– Ага, слушаем и не осуждаем.

– Ну, да. Ты мне лучше расскажи, чем Санта-Барбара закончилась.

– Да какое закончилась, только начинается всё, как понимаю. Тимуровича жаль, такая стерва ему в жены досталась.

– Как говорят: глазки видели, кого выбирали, Ир.

– Ну, не скажи. Бывший мой долго шифровался, хорошеньким прикидывался, а как пожил вместе пару недель, такой абьюзер на деле оказался – просто ужас. Хорошо, мозги были вовремя сбежать. Вот и Тимурович молодец, измены терпеть не стал, разводиться собирается.

У меня глаза лезут на лоб.

– Она ему изменила?

– Ага, орала на улице, что он ни рыба ни мясо, и не жалеет она, что завела себе хахалю, и это всё при полиции, прикинь? Ну, дура же. Жаль Тимуровича нашего, ославила она его перед всем «двором». А она заявила ещё, что Мишу отберет и половину его состояния, а Тимурович ей в ответ – молча кукиш.

– Точно Санта-Барбара, – бормочу. – Так он, выходит, провожать их всех пошел?

– Ну, так да. А как же. Они там ещё разбираются. Насколько я понимаю, сейчас Тимурович станет с юристами своими вопросы с разводом решать и чтобы жену частично родительских прав лишить, свидетелей её рукоприкладства достаточно, сама понимаешь, и без трусов оставить. А ведь сначала планировал квартирку ей подарить.

– Капец, – тяну, качая головой. – А ты-то всё, как всегда, знаешь.

– Так я секретарь, кому как не мне всё о начальнике знать, – смеется Ирка.

– Пи! – верещит малыш, отталкивая мою руку с ложкой. – Пи!

Впросительно кошусь на Ирку.

– Пить хочет, – авторитетно заявляет. – У Катьки малая тоже так пищит, когда пить просит.

Молча даю ребенку бутылочку, он жадно к ней присасывается, выхлебывает половину и от остатков еды напрочь отказывается, да там и осталось всего на пару ложек.

– Ну, вот и всё, Миш, можно дальше играть, а? – улыбаюсь, ребенок счастливо лопочет на своем, а я с чистой совестью передаю бойца растерявшейся Ирке. Та машинально забирает себе на колени и хлопает длинными ресницами:

– Э-э, Лень, ты чего это?

– Как чего? Домой пойду. Спектакль окончен, свет погас и всё такое.

– Ну, что началось? Хорошо же справлялась, может, останешься?

– Не говори ерунды. Всё, дорогая, спасибо за веселье, созвонимся. Пока, головастик, надеюсь, тебе подберут супер-няню.

И пока подружка не раскрыла рот, пулей выношусь в коридор, там торможу, замечая, как распахиваются створки лифта, и, поддавшись взвизгнувшей интуиции, рывком разворачиваюсь и пру на лестницу, толкаю дверь, всего на секунду обернувшись, вовремя я! Из лифтовой кабины вырывается с ну очень грозным видом папа-босс с телефоном у уха, рычит на кого-то, о чем конкретно, уже не слышу, поскольку на всех парах, перепрыгивая через ступени, козочкой мчу на первый этаж. Да, Ленька, такого приключения и финальной дозы адреналина давненько не испытывали-с.

Глава 9

Илья

Влетаю раздраженным конем в приемную, а там только Ирина с несчастным лицом и ползающий по ней Мишка, который так и норовит спрыгнуть на пол и заодно сцапать что-нибудь из канцелярии. Поскольку ни то, ни другое у него не получалось, сын недовольно пыхтел, лягая ботиночками секретаршу куда попадет. Не понял, а няня где? В туалет отлучилась? Увидев меня, Ирина просияла.

– Слава богу, Илья Тимурович, вы здесь! – подпрыгнула она, обходя стол и даже не замечая, как цепляет крутыми бедрами угол. – То есть, хорошо, что вы пришли, вот, это ваше, – сунет мне в руку ребенка. – Поел, поиграл, наверное, сейчас спать захочет, а мне того, работать надо, сами отчет по китайцам просили к вечеру, такими темпами я его и к понедельнику не сделаю.

В ухо тарактит мой юрист, Мишка пытается отобрать трубку.

– Илюха, ты меня слушаешь?

–

– Ало! Вызываю Тимуровича. Прием. Как слышно? Мы здесь вообще-то серьезные вещи обсуждаем.

– Борь. Перезвоню, – бросаю и сую гаджет в карман. – Ирина, а где наша няня?

– Какая, Илья Тимурович? – удивленно поднимает голову.

– В каком смысле какая? Девушка, что была с Мишей, где?

– Так домой ушла, – пожимает плечами. – Сказала, мы ей не подходим.

– Чего? Как это не подходим? Почему это не подходим? Ты зачем вообще её отпустила?

– Как зачем? А что, надо было к батарее скотчем примотать?

– Уволю!

Секретарь осуждающе цыкает, да я и сам чувствую себя не в своей тарелке. Сын подозрительно пристраивает головку на плечо и притихает. Действительно, сейчас отрубится.

– Что сразу уволю? – шипит Ирина. – Ну, не захотела кандидатка с нами работать, другую найдем.

– А мне нужна эта! – упираюсь рогом. – Как её имя? В общем, позвони ей и пригласи на повторное собеседование.

– Она не согласится!

– Не кричи. Сделай так, чтобы согласилась. Если пришла на собеседование, значит, готова была работать.

– Говорю, не согласится!

Хмуро гляжу на секретаря, Мишка сопит на плече. Жестом показываю, что разговор с Ирой не закончен, и бреду в кабинет, где устраиваю ребенка на диване. Черт, забыл из

машины вещи захватить, за ними же, в частности, спускался. Ладно, сейчас сгоняю. Устроив приснувшего ребенка, разворачиваюсь и задеваю что-то носком ботинка. Это что-то с громогласным треском подскакивает и с дребезжанием летит через весь кабинет. Замираю, сжав булки.

Не долетев до стены, предмет, оказавшийся вазой, оставнавливается, но тут подскакивает с горьким рыданием сынишка, бьется в истерике, цепляясь пальчиками за диван. Со стоном закрываю глаза и забираю ребенка на руки, воркуя над ним, а про себя реву бизоном: кто оставил на полу дурацкую вазу?!

В помещение испуганно вваливается секретарь, смотрит дикими глазами.

– Всё нормально? – шепчет одними губами.

– Нет! – рывкаю шепотом, покачивая ребенка. – Ромашку мне, срочно!

Ирина выпадает в осадок:

– Кого?

– Няню! Утреннюю. Что не ясно?

– Да не согласится она, сколько ещё раз повторить!

– Пятьсот тысяч в месяц!

У Иры округляются глаза, сверкают алчные огоньки.

– Так, может, я?..

– А ты иди, отчетом занимайся и Ромашку вызванивай.

Иди, договаривайся и без Ромашки не приходи.

Ира обиженно поджимает губы и спиной пятится в при-

емную.

Задумчиво поглаживаю успокоившегося ребенка по волосикам и сам нифига не понимаю, почему меня переклинило на этой девчонке, которую даже знать не знаю, как зовут.

Глава 10

Илья

Ночь прошла... Просто прошла. Спал урывками по пять максимум минут. Сын уснул в десять, а проснулся в час, когда сам уже засыпал, и больше не спал до трех часов ночи! Думал, помру. В начале четвертого приснул на часик и снова проснулся, прыгал мне по лицу памперсом, выдирает волосы и стучал по макушке игрушками. Не удивительно: к шести утра я, злой как черт, на ногах, варю мелкому кашу и немного сплю с открытыми глазами. Покормил, умыл и собрал дебошира, и почалили с ним на работу под веселенькое «поля». Потихоньку начинал понимать, отчего одной ногой бывшая жена начала превращаться в истеричку, и претензии мне её теперь ясны как кристальный день, даже жалко Алеську.

Нет, квартиру пусть забирает, заслужила, год с монстром – это то ещё приключение. Алеська сильна.

Главное, чтобы не продолжала будить во мне зверя и не вставляла в вопросах с ребенком палки в колеса. Вообще не понимаю, чем она недовольна: будет воскресной мамой, вся такая в белом добрая фея, выпитися наконец, так нет же, монстра ей нашего подавай. Ладно, разберемся.

Когда на работу причалила Ирина, первым делом спросил:

– Няня во сколько приедет?

И вот не понравилось кислое выражение лица секретаря с загнанным взглядом.

– Я еле до неё дозвонилась. Сказала – подумает над нашим предложением.

Вот же... Ромашка!

– Плохо, Ирина. Дожимай, и чтобы к двум часам няня была. Ромашка, уточняю.

– Ее Алёной зовут.

– А вот это лучше бы мне не говорила.

– Почему? – опешила секретарша.

– Слишком созвучно с Алёной.

– Э-э-э, так её Алёной и зовут.

– Вот видишь! – меня перекосило. – Теперь понимаешь?

– По-прежнему, не очень.

Закатываю глаза. Да с бывшей слишком созвучное имя, что непонятного? Алёна – Алеся. Тьфу. Не собираясь вдаваться в объяснения, оставил растерянно хлопающую ресницами секретаршу в приемной, вернулся в кабинет и ахнул: сын с довольным видом выламывал моноблок, весело стуча по технике дыроколом. При всём при том ребенок мой стоял на носочках на колесном стуле, и только я об этом с ужасом подумал, как стул принялся отъезжать вместе с моим скрюченным в букву зю ребенком.

Вся жизнь промелькнула перед глазами.

– Миша!!! – ору, кинувшись к рабочему месту, успеваю

перехватить ребенка под живот, как нога подворачивается, от сильной кратковременной боли темнеет в глазах, мы летим с ним на пол под грохот упавшего на спинку стула, я в ошалении, а сын довольно смеется и весело лепечет о полях.

О, да, ещё какие поля... На мою голову.

Глава 11

В кармане жужжит телефон, кто там ещё? С кряхтением собираю себя с пола, хватаю уползающего на коленках ребенка и рычу:

– Да? Кто?

Оказалось, Борька Сергеич. И новости откровенно нехорошие. Алеська решилась бодаться до кровищи и наняла не менее хорошего, чем мой, юра, собираясь, как и грозились, отнять ребенка у меня и ограничить на него права. От той ереси, что напела своему юру бывшая, темнеет в глазах: и что у её бил, морил и её, и ребенка голодом, пропадал ночами у толпы любовниц и вообще павший-пропавший-человек. Мать твою. А я эту стерву ещё и жалел. Кровь в жилах натуральным образом закипает от той ярости, что дерет мне горло и голову. Вылетаю в приемную и всучиваю вздрогнувшей Ирке ребенка.

– Пригляди.

Залетаю обратно к себе и набираю стерву.

– Да-а-а? – мурчание в трубку. Перед глазами уже черные мушки. – Чего надо, Шахов? Созрел вернуть мне моего сына?

– После твоих идиотских выходов – обойдешься. Ты совсем обалдела, ты что наплела такое обо мне?

– Только правду, милый, только правду.

– То есть, это правда, что я тебя бил? Совесть есть?

Про совесть вопрос очень риторический.

– Морально – ещё как. Ты садист, Шахов. Совсем скоро об этом узнает вся Москва. Готовься, дорогой.

И бросает трубку, гляжу на неё ошарашенно и сатанею. Алеська ещё не понимает, куда пытается сунуться.

– Родная, разве не знаешь, что бывает за клевету?

Осталось только доказать. Строчу своему юру.

– Илья Тимурович, – шипит кошкой Ира, натянуто улыбаясь. – Ваш сын изволил покакать.

Здорово, блин.

– Так поменяй памперс.

– Я не нанималась попы детям мыть!!!

– Справедливо. Выпишу премию.

Злобное сопение подобрело.

– Сколько? – робкое.

– Сколько выпишешь себе за моральный ущерб. Ира, я занят.

– Поняла! Вы очень щедры, Илья Тимурович.

– Ты только не наглей.

– Да-да, конечно, – хищное.

– Ромашка когда явится? Мне нужно отъехать.

– Э-э-э, не знаю.

– Так узнай! – забираю у поскучневшей девушки сына. – Давай, двигай.

– А как же памперс?

– Точно, – смотрю на своего пацана и передаю ребенка обратно Ире. – Меняй подгузник, а потом звони. И давай, белкой. Я уезжаю через десять минут.

– А как же обед?

– Пообедаю в городе.

– Я про себя! – возмущенно с приставкой: эгоист чертовый.

– Придет няня, пойдешь на обед.

– Ладно, – мстительное. – Поняла. Хорошего дня, Илья Тимурович.

И судя по сладкой патоке в голосе секретаря, она мне всё вот это припомнит, в денежном эквиваленте. Ну, так-то справедливо.

Глава 12

Оставив Мишку на секретаря, ветром мчу на встречу с юром на Патриаршие и думаю совсем не о коварной бывшей супруге, а о не менее коварной Ромашке. Алёна, блин. В очередной раз словил паралич лицевых мышц. Ну, почему не Даша, Надежда, Лиза, Снежана? Маша, на худой конец? Почему именно Алёна? Я же буду путать с именем бывшей жены, как пить дать буду. Я себя знаю. Потом пусть не обижается, у меня на имена бывает «топографический» кретинизм. У кого-то кретинизм на местность, у кого-то на числа, а у меня на имена, если они созвучны с другими. Будет Ромашкой, так безопасней.

С трудом всунув тачку на платную, забитую вечно до отказа парковку, пулей лечу в «Ервин». Залетаю в ресторацию, отмахиваюсь от хостес, что меня ждут, вижу Бориса, скучающего за столиком у окна.

– Ну, что за срочность? – плюхаюсь напротив друга, и да, юриста-адвоката-в-одном-лице. Многозадачный он у меня, да. – Есть чем порадовать, Борис Сергеевич?

Сергеевич морщится, словно откусил от лайма сразу половину, ну, не нравится ему, когда его по отчеству величают.

– И тебе привет. Заказал нам по чашке кофе, не возражаешь?

– Не возражаю, – прищуриваюсь, вальяжно откидываясь на спинку мягкого кресла. Если скупердйй Борька на что-то раскошелится на деловой, можно сказать, встрече, – разговор выйдет не из легких, и сомневаюсь, что сказанное им мне понравится. – Давай с ходу, не тяни. Выкладывай, что у тебя.

Друг вздыхает, скорбно поджимает тонкие губы – ещё один неприятный звоночек – и лезет в органайзер, выуживая стопку деловых документов.

– Две новости, хорошая и плохая.

– Традиционно, так сказать. Что ж. Давай по порядку.

– Ну, раз по порядку. Документы на развод я подготовил, прочитай и подпиши со своей стороны, – протягивает мне бумаги и золотую ручку. Пафосный какой.

– Я-то подпишу, – цепко читаю официальные строчки, – но Алеська решилась бодаться, и так просто бывшая коза не сдастся, как понимаю.

– С Алесей Геннадьевной я уже говорил, в курсе её позиции, – морщит брезгливо нос, но комментарии оставляет при себе. – Неважно, чего она там хочет и на что надеется. Есть факт её измены и свидетель в лице её любовника.

Хмыкаю злорадно.

– Дал взятку?

– Ну, какую взятку, Илья, компенсацию, всего лишь небольшую компенсацию за моральный ущерб, нанесенный молодому человеку Алесей Геннадьевной ввиду морального

давления с её стороны на эротический уклон.

Обескураженно вылупливаюсь на друга и, откинув голову, содрогаюсь в хохоте. Борис позволяет себе бледную улыбку. Официант шустро оставляет на столике кофе и ретируется со свистом пули.

– Силён, – утираю слезы смеха. – Есть документальное подтверждение?

– Естественно, – гордо вскидывает подбородок. – Далее. Также имеются запротоколированные свидетели в лице семи человек о рукоприкладстве в отношении несовершеннолетнего Михаила Ильича Шахова со стороны его матери Алеся Шаховой, а это уже пахнет ограничением родительских прав. Хочешь?

– Хочу, – говорю искренне. – Но пока придержи этот вариант, всё же она его мать и, насколько я знаю, раньше не поднимала на сына руку.

– Это насколько знаешь ты, я поспрашивал ваших соседей, так вот несколько жильцов утверждают, что Алеся на их глазах несколько раз не только кричала на ребенка как полоумная, и это не мои слова, но и таки поднимала на него руку.

Медленно сатанею. Вот сучка. Почему я раньше об этом не знал? Потому что пропадал на работе! Идиот.

– Так что, инициирую ограничение?

– Действуй. Только показания свидетелей надо собрать.

– Всё собрано.

– Так, ладно, – подписываю документы на развод и подо-

двигаю к Борьке. – Какая плохая новость?

– М-м-м, да. Удалось по твоему делу узнать предварительное заключение судьи. В нем и соль. Изрядная жменя сыпучей гадости.

Морщусь:

– Сергеич, не беси.

– Как ты понимаешь, даже при всех доказательствах обратительного отношения матери к ребенку сразу вас не разведут, дадут стандартные три месяца, если твоя жена...

– Бывшая!

– Не имеет значения. Так вот, если твоя бывшая жена по-прежнему станет оспаривать решение судьи, могут дать ещё три месяца, потом ещё три, с ограничением тоже могут возникнуть трудности.

– Короче, Склифосовский, – раздраженно ворчу. – В чем траблы?

– Если коротко. Судья Пашков, который будет вести твоё дело, – мой хороший знакомый, он порекомендовал за первые три месяца, данные вам с Алесей на примирение, найти хорошую, благонадежную, эм, маму для твоего сына.

От такого заявления у меня глаза лезут на лоб, прочищаю уши.

– Чего-чего? Мне послышалось, что ли?

– Не строй идиота. Женщину хорошую для ребенка найди, и тебя в первый срок разведут. Всё.

– Ты серьезно вот это сейчас, что ли?

– Нет, блин, шутки шучу с тобой. Seriously, Илья. Сам посуди: по делу известно, что ты пропадаешь на работе 24/7, из-за чего упустил семейные проблемы и вопросы по воспитанию ребенка, на это и станет в первую очередь напирать Алеся, мол, тебе и собаку доверить нельзя, не то что ребенка.

– Но при чём тут жена? Можно нанять благонадежную няню.

– Няня сегодня есть, завтра её нет, а жена или невеста – другой уровень. Конечно, можно и без жены пробовать выиграть суд, но ставка выигрыша будет снижена процентов на двадцать, а то и тридцать. Например, могут тянуть с разводом или откажут в ограничении родительских прав, у вас же с Алесей нет ни бабушек, ни дедушек, верно?

– Мои все померли давно, а Алеся детдомовская, – бурчу, нахохлившись сычом, и чувствую себя попавшим в мыльный сериал.

Борис косится на часы.

– Всё, мне пора, Ильяха. Опаздываю на другую встречу. Время у тебя подумать есть, неделька, может быть, две. Давай. На связи.

Друг тянется к кошельку, останавливаю его жестом, ворчу: проваливай уже, сам расплачусь. Борис кивает и сматывается, не забыв прихватить органайзер с документами. Уныло таращусь в окно. Блестяще, блин. А это вообще законное всё дело? С женитьбой. Твою мать, и почему я сам не пошел в своё время на юриста или адвоката, кормят там вполне

неплохо, нет, в бизнес почухарил. Вот и расхлебывай, Ша-
ХОВ.

Глава 13

Алёна

Пока еду к Ирке на работу, недоумеваю, зачем вообще туда прусь, и когда захожу в здание, тоже всё ещё не понимаю, зачем оно мне всё это надо, и когда поднимаюсь на лифте, по-прежнему от себя в шоке. Видно, мало приключений на пятую точку, вот честное слово. А я всегда терпеть не могла новшества в своей жизни, махровый интроверт, что сказать, и вот интроверт во мне плачет кровавыми слезами, когда переступаю порог приемной Шахова.

Иру нахожу на диване с ребенком на руках, она пытается засунуть ребенка в колготки, пыхтит, явно ругается про себя, судя по перекошенному покрасневшему лицу. Малыш нервно сопит и извивается в попытке вырваться из секретарского захвата.

– Привет, – говорю неуверенно.

Ира поднимает на меня дикий взгляд, и я аж отшатываюсь от вспыхнувшей в очах подруги жадной радости. Малыш тоже обращает на меня внимание, замирает и радостно улыбается, гуля про какие-то «тятя».

– Слава богу, ты пришла! Лень, я тут запариваюсь. Поможешь с этим боевым товарищем, а? У меня всё ещё китай-

ский отчет не пахан, а я от ребенка и на секунду отойти не могу.

– Давай, – вздыхаю и улыбаюсь пацану. – Пойдешь ко мне на ручки, м? Привет, Мишут, – забираю у счастливой Ирки тянущегося ко мне ребенка и усаживаю к себе на колени. – Как твои дела? Давай, помогу с этим неподдающимся атрибутом одежды, да? – стаскиваю колготки полностью. – Давай ножку. Вот, умница. Ир, когда ему есть?

– Ну, думаю, через часик, – рассеянно говорит подруга, ныряя за комп.

– А когда он ел?

– При мне не ел. Только наделал кучку в памперс, а потом описюшился.

– Э-э-э, так, может, он голодный?

– Может быть, голодный.

– А еда есть?

– Глянь в холодильнике, босс должен был принести.

Вздыхаю, натягивая на памперс за колготами штанишки, оглядываюсь в поисках обуви и нахожу за диваном. Спрашиваю насчет холодильника, Ирка отмахивается, что тот в кабинете Шахова. Идем с притихшим мальчишкой туда, а в холодильнике ничего нет, кроме минералки, о чем и сообщаю подруге. Та поднимает на меня растерянный взгляд и пожимает плечами: мол, нет, значит, нет.

– Просто прекрасно, – раздражаюсь. – А где сам папочка на этот раз шатается?

– Укатил час назад на какую-то встречу. Не знаю. Он мне особо не отчитывается.

– Прелесть. И что мне прикажешь делать?

– Не знаю, Лень, – бурчит Ира, клацая по клавишам клавиатуры. А я начинаю уже не просто раздражаться, а злиться, я пока ещё не няня, имею, блин, право.

– Номер телефона горе-папаши хоть есть у тебя?

– А тебе зачем?

Прям ощущаю, как круглеют у меня глаза.

– Сама догадайся. Насчет пропитания ребенка спросить, – рычу сквозь зубы. – Отвлекись на пару минут, а?

Ира подскакивает, нервно хмурит брови и кивает.

– Да, прости. Что-то я... Сейчас.

Хватает свой телефон, набирает номер и протягивает мне трубку:

– Вот, гудки идут.

Не слишком довольна забираю гаджет и вместе с ним и мальчишкой иду к окну. Шахову пришлось ещё два раза набрать, прежде чем ответил, да ещё как ответил, гаркнул самым натуральным образом.

– Ира, я занят!

– А это не Ира, – пою елейно. – Добрый день, Илья Тимурович. У меня вопрос по части вашего сына, конкретно: где ему пропитания достать, м?

По ту сторону недолгое молчание, а затем недоверчивое с нотками потрясения:

– Ромашка?

Возмущенно ахаю. Да какая я ему ромашка?!

– Алёна Святославовна и никак иначе! Так что с питанием для вашего сына?

По ту сторону давятся воздухом или хохотом, если последнее, стукну, обязательно.

– В холодильнике должен быть контейнер с едой, в шкафу смесь с бутылочкой.

– В холодильнике ничего нет!

Мишка устал висеть на моей руке и начал недовольно сопеть и немного выкручиваться. Подтянула малыша.

– Как это нет? погоди секунду, – короткое сопение и трехэтажный русский, да такой, что у меня кончики ушей покраснели.

– Илья Тимурович!

– А? Да, извини. Оказывается, еда Мишки со мной, в машине. Вместе со смесью. Вот черт, а я был уверен, что при-тянул всё в офис.

– Так, ясно. И через сколько вас ждать?

– Через минут сорок буду.

– Давайте скорее. Ваш ребенок изволит хотеть есть, – отбираю из цепких ручек Мишутки помусоленную прядь своих волос, мимолетно подумав: хорошо, что захватила резинку, и плохо, что раньше не догадалась собрать пряди в хвост.

Отдаю заинтересованно поглядывающей на меня Ирке её гаджет. И ещё раз у себя спрашиваю: за каким фигом я здесь

вообще? Ну, вот зачем, а? Ради красивых глаз Мишки, так похожих на Шахова? Тьфу-тьфу. Ирка щурится.

– Что?

– Ничего, – пожимает плечами. – Просто никогда не видела тебя такой.

– Какой это?

– Живой, Ленъ. Кстати, а ты где умудрилась с Шаховым пересечься? Не знала, что вы знакомы.

– Эм. С чего это ты так решила? Мы не были раньше знакомы.

Ира о-о-очень недоверчиво смотрит.

– Пи-пи! – важно подпрыгивает у меня в руках ребенок. – Пи-и-и!!!

Глава 14

Поильника, как оказывается, у дитя тоже нет. С непередаваемыми эмоциями глядим с Ирккой друг на друга, в то время как Мишка, предварительно выкинув боевой клич об «пи», снова мусолит пряди моих волос. Бедный ребенок, чуют взрослые, а достается ему. Припоминаю, что никаких торговых местечек в здании вроде как нет, но всё же интересуюсь по этому поводу у подруги. Та жалобно разводит руками: мол, только кофейный автомат. Здорово-великолепно. Решительно всучиваю ей недовольно закряхтевшего Мишу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.